

— Если питомец знает, как угождать, он может сохранить видимость достоинства. В противном случае... — Чья-то рука приподняла мой подбородок, пальцы скользнули по губам. Я отвёл голову, но тут услышал приближающийся топот копыт и краем глаза заметил всадника, выезжающего из леса. Пятнистый солнечный свет играл на змеиной чешуе его охотничьего костюма, отливая холодным блеском. Это был Сяо Ду.

Не будь на пути этого юнца, я бы уже под охраной Белой стражи пересёк реку Ложи.

Пусть и с риском, даже при сильном гарнизоне — всё равно лучше, чем оставаться во дворце.

Мне пришла мысль. Я ухватился за рукав Сяо Лана и нарочно приник к его плечу:

— Четвертый брат...

Сяо Ду замер. Прильнув к плечу Сяо Лана, я даже не взглянул на юношу, лишь почувствовал, как его рука скользнула вдоль моей спины и обхватила затылок. Его пальцы были ледяными — полная противоположность Сяо Ду. Я решил раздуть пламя между отцом и сыном, чтобы Сяо Ду своим жаром поскорее испепелил Сяо Лана.

— Шестой брат, как насчёт того, чтобы сегодня прокатиться с тобой верхом при луне? — Голос его звучал нежно, словно он обращался к наложнице. Меня передёрнуло. Я уже собрался отказаться, как раздался шум — Сяо Ду спешился и подошёл.

— Сын приветствует отца. — Он преклонил колено. В пятнистой тени деревьев его прекрасное юное лицо было мрачным. Он на миг поднял на меня взгляд, затем опустил веки, скрыв блеск стали в глазах. — ...Приветствую дядю.

Сяо Лан промолвил:

— Встань. — Помедлив, усмехнулся:

— Ты добыл того оленя-цилиндя?

— Так точно. Сын как раз хотел преподнести его отцу. — Сяо Ду тут же встал, отсек золотисто-красные рога самца-оленя от крупа высокого вороного коня и поднёс Сяо Лану. Резкий запах крови ударил в нос, заставив меня закашляться; закружилась голова, подступила тошнота. Сяо Лан поднял руку и рукавом прикрыл мне нос и рот — жест крайне двусмысленный.

— Отлично. Сегодня вечером используем эти рога для гадания, посмотрим, какое предзнаменование явят.

Без тени эмоций Сяо Ду передал рога стражнику, вскочил в седло и поднял взгляд:

— Отец, Ван Усе только что сказал собравшимся, что желает посостязаться с вами в скачках. Он уже давно ждёт вас у подножия горы. Дядя, кажется, нездоров. Если вы собираетесь состязаться с Ван Усе, perhaps дядю стоит поручить моей охране. Как вы полагаете?

Улыбка сошла с лица Сяо Лана. Он не дал прямого ответа, но на этот раз не стал, как прежде, игнорировать возражения Сяо Ду и силой увозить меня, а пристально взглянул на сына. Думаю, он лучше кого бы то ни было понимал, какой вес Сяо Ду обрёл ныне. Даже если он и намерен был сместить наследника, сделать это было непросто. Сяо Ду смотрел на него прямо, без тени страха, во взгляде таилась вызывающая угроза.

Между отцом и сыном повисла скрытая убийственная напряжённость, отчего даже свет вокруг будто померк.

Как раз в этот момент стражник подвёл серебристого коня. Я воскликнул:

— Ах, да это же мой конь!

С этими словами я воспользовался моментом, вырвался из рук Сяо Лана, соскочил на землю и подошёл к серебристой кобыле, погладив её по гриве:

— Только что в лесу мы разминулись, я уж думал, не увижу её больше. Государь, не подарите ли вы мне этого коня?

Сяо Лан помолчал, прежде чем ответить:

— Мы же семья, шестой брат, к чему такая церемонность? — Он ослабил поводья и направился вниз с горы, приказав окружающим стражам сопроводить меня на охотничье поле. Хотя он и не уступил прямо просьбе Сяо Ду, его напор явно ослаб.

Добрый знак.

Перевалив через горный хребет, мы достигли котловины, окружённой горами, — здесь располагался императорский ипподром. Ещё до прибытия Ван Усе Сяо Лан всё устроил, и размах мероприятия превзошёл даже ежегодные *grandes* состязания по стрельбе из лука и верховой езде.

Императорская гвардия в лёгких доспехах стройными рядами вступила на ипподром, их рёв потрясал землю — больше походило на подготовку к битве, нежели к состязаниям. Явная демонстрация силы, дабы утратить алчущего Ван Усе.

Как бывший государь Великого Мянью, я испытывал противоречивые чувства: с одной стороны, надеялся, что Ван Усе сможет пойти против трудностей и, объединившись со мной, устранит Сяо Лана; с другой — желал, чтобы он, утраченный военной мощью Мянью, впредь не был чрезмерно жаден. Но рыбу и лапы медведя не совместить — эту истину я понимал как никто. Если я намерен ступить на мост в царство Чи, то должен знать, как его разрушить.

Размышляя об этом, я встретился взглядом с Сяо Ланом — не успел отвести глаз от Ван Усе, как он уже заметил. Он усмехнулся, в тёмных глазах мелькнула насмешка:

— Ван Усе сказал мне, что когда-то, сражаясь с ним у перевала Ланья, вы, Верховный император, малыми силами одержали победу, показав невиданную доблесть, чем повергли в трепет их воинов. Сегодня они все жаждут узреть ваши дарования и приглашают вас поучаствовать в скачках. Не удостоите ли вы меня и Ван Усе этой чести?

Я криво усмехнулся. Эта «честь» ныне была для меня непосильной ношей.

Не успел я отказаться, как стражник уже поднёс лук и охотничью одежду.

Оглядевшись, я увидел, что все офицеры устремили на меня взоры, среди них — знакомые лица, ветераны, сопровождавшие меня в походах.

Под всеобщим взором я уже не мог отказаться. Развернулся и прошёл в шатёр переодеться.

Облачившись в лёгкий кожаный доспех для верховой езды, я почувствовал, будто связал себя

по рукам и ногам — так стесняло дыхание.

Приказав стражам удалиться, я остался один перед зеркалом. Закрыв глаза, я едва сдерживал слёзы.

С детства я был баловнем судьбы, объектом всеобщего восхищения и поддержки. С тех пор как стал сознавать себя, я редко выказывал эмоции на людях, а взойдя на престол, и вовсе почти утратил такую возможность. Люди звали меня холодным и решительным, не ведая, что радость, гнев, печаль и веселье — всё было сокрыто за благородной и величавой маской, под тяжёлыми, многослойными драконьими одеждами, дабы быть безупречным.

Безупречным был я — безупречным было и моё правление. Сколько ноши выпадает на долю государя, простой народ постичь не может.

Когда же я сойду с алтаря и явлю воинам это немощное тело — всё, что я так тщательно выстраивал, рухнет в одночасье.

С этого мгновения я перестану быть тем государем, коему они поклонялись, и окончательно превращусь в жалкого, вызывающего сожаление больного-неудачника.

Потеряв уважение воинов, вновь взойти на престол будет для меня втрое труднее.

Сжимая тетиву лука, я почувствовал, как дрожат руки. Силы, что вчера пробудились в безвыходной ситуации, иссякли без следа — я не мог натянуть тетиву даже наполовину. И в этот миг за спиной раздался скрежет подошв о землю. Мои руки неожиданно оказались охвачены другой парой ладоней. Я открыл глаза и в медном зеркале увидел пару острых, глубоких изумрудных глаз.

Лишь теперь я осознал, как мал перед Сяо Ду, как окружён его исполинским, стенообразным телом.

Его ладони пылали, словно угли, будто сплавляя мои руки с железной тетивой, медленно натягивая её. Мощь его была неодолимой, одним движением он натянул тетиву до предела. Хотя стрелы на ней не было, я будто слышал свист рассекаемого воздуха.

— Дядя, ты сможешь натянуть этот лук. Моя рана... и сегодня ещё кровоточит. Та стрела вонзилась глубоко.

— Будь ты на поле столь же свиреп — непременно все устроишь.

Слова эти, будто поток, влились в кровь, бодря дух. Руки мои чудесным образом перестали дрожать. Сяо Ду отпускал пальцы один за другим, а я понемногу собирал силу, сжимая тетиву, словно впервые учась стрелять.

Когда он окончательно разжал руки, я уже кое-как удерживал тетиву. Глубоко вдохнув, я поднял руку.

Сяо Ду одной рукой положил стрелу на мою тетиву, другой — надел на мой большой палец своё кольцо с кошачьим глазом.

— Дядя, — прошептал он у самого уха. — Верь мне.

Со звонким «чжэн!» стрела пронзила зеркало. Я, хрупкий и беспомощный в отражении,

рассыпался вдребезги.

...

Я перевёл дух, не веря глазам, глядя на осколки зеркала на полу. Сжал кулаки — и почувствовал меж пальцев липкую влагу. Взглянул вниз: вся ладонь в крови. Сяо Ду отступил на шаг. Я опомнился, обернулся — и увидел, что его руки сочатся кровью, а на плече проступило тёмное пятно. Поняв, в чём дело, я потянулся, чтобы коснуться его одежды, но он схватил меня за запястье.

Я нахмурился:

— Дай взглянуть.

Сяо Ду приподнял бровь, одной рукой слегка разорвал ворот — обнажилась рана на плече, зашитая, но вновь раскрывшаяся, кровавая дыра.

Я слегка вздрогнул. Рана-то серьёзная, а он сегодня ещё и на охоту отправился — неужто не чувствует боли?

— Дядя... беспокоится обо мне?

— Ты... — Я вырвал руку. — Невежа!

Сяо Ду фыркнул, лицо бесстрастное:

— А когда дядя звал моего отца «четвёртым братом», невежливым себя не счёл?

Видя его выражение, мне захотелось подразнить его ещё, подтолкнуть в будущем быть напористее. Я небрежно усмехнулся:

— То, что между мной и твоим отцом, тебя пока не касается. Когда обретёшь право вмешиваться — тогда и спрашивай.

<http://bllate.org/book/15952/1426400>